

15 лет выпуска

Мой муж называл встречи бывших одноклассников «ярмаркой тщеславия». Они нужны только для того, чтобы взять реванш за школьные унижения. Доказать всем, как они были неправы!

Троечники демонстрируют «Мерседесы» и дорогие часы. Отличницы хвастаются идеальной фигурой с накачанной попой. Лузеры якобы случайно открывают на телефоне эротические фото красоток. Оторвы рассказывают про успехи своих многочисленных детей. А те, кого дразнили за дешевое пальто, не забывают за всех заплатить.

На встречах одноклассников взрослые ответственные люди вдруг начинают вести себя как семнадцатилетние идиоты. Рассказывают, что алгебра так и не пригодилась за последние пятнадцать лет, закрывают гештальты, высказывая учителям в лицо то, что не решились тогда. И спят со звездами выпускного, не замечая, что мальчик в косухе и с подведенными глазами давно превратился в лысого толстяка с одышкой, а девочка с пухлыми губами и бесконечными ногами год назад родила четвертого, а эти ноги усеяны сосудистыми «звездочками».

Я ни разу не была ни на одной такой встрече, хотя меня упорно приглашали каждый год, включали в группы в соцсетях: «Пять лет нашему выпуску!», «Де-

сять лет нашему выпуску!», «Последний год нашей молодости!».

Про молодость — это когда почти всем исполнялось тридцать. Это приглашение я удалила с особенным удовольствием.

Мне было некому ничего доказывать и нечего завершать. Мои одноклассники — чужие люди, с которыми никогда не было ничего общего.

Школа запомнилась мне как бесконечно тоскливое и неприятное время: по нему я не скучала вообще ни разу в жизни.

Все школьные годы я была неудачницей. Училась с тройки на четверку, потому что даже самые интересные предметы наши учителя умудрялись преподавать так, что мухи дохли на лету. Мою любимую историю вообще отменили на несколько лет. Талантов у меня никаких не было, поэтому взрослым я была не особенно интересна.

Мальчики не обращали на меня внимания из-за очков и длинной «бабушкиной» юбки, в которой я проходила все старшие классы. Девчонки издевались и презирали, потому что моя семья была небогатой и не могла отправлять меня в заграничные поездки со всеми. У меня так и не появилось близкой подруги. Даже влюбиться я умудрилась в парня, которого все дразнили за длинные волосы до плеч и заикание. Да и тот таскался за другой и на выпускной подарил ей букет из сотни красных роз.

Тогда я поставила жирную точку на попытках найти что-то общее с бывшими уже одноклассниками и с радостью забыла о них.

Когда я нашла в своем почтовом ящике приглашение, первым порывом было выкинуть его в мусор. Остановило меня только то, что напечатано оно бы-

ло золотым тиснением на бархатистой на ощупь белоснежной бумаге. Раньше-то присылали на электронную почту и не парились. Что вдруг изменилось?

Оказывается, вместе с нашим пятнадцатилетием выпуска родная школа празднует юбилей! Поэтому зовут всех-всех-всех, обещают красочное шоу, танцы, бесплатный бар с закусками и «уютные уголки для встреч со старыми друзьями».

Даже когда у меня в жизни все было хорошо, я не рвалась никому ничего доказывать и хвастаться высокооплачиваемой работой, красавцем мужем и каникулами за границей четыре раза в год. А сейчас, когда я могу послужить только удобным фоном для самоутверждения, мне тем более нечего там делать.

Они будут задавать провокационные вопросы и со смехом переглядываться: Кондратьева, как всегда, все просрала!

Только этого мне не хватало. Я только-только перестала плакать после развода и потери работы.

Не пойду.

Но приглашение выбрасывать не стала.

На следующий день я все еще была уверена, что никуда не пойду.

И еще через день.

И даже через неделю.

Но за четыре часа до назначенного времени я каким-то неведомым образом очутилась сидящей в кресле стилиста в ближайшем салоне красоты. Вокруг меня танцевал их лучший парикмахер, ногти на руках подпиливали сразу две маникюрши, расположившиеся с двух сторон, ступни отмокали в ножной ванночке с подогревом, а за спиной туда-сюда как тигрица металась, нахлестывая бока хвостом, хозяйка салона, пожилая армянка с сигаретой в длинном мундштуке:

— Мы из тебя такую конфетку сделаем! Хоть на «Евровидение» иди и пой!

— Я не умею петь!

— Это не важно! Пусть хоть повесятся и сожрут свои тапочки от зависти! Звезда будешь, я отвечаю!

* * *

Печально то, что на всю эту роскошь у меня не было денег. Совсем.

После того как спустя двенадцать лет брака муж бросил меня и ушел к женщине, уже родившей от него ребенка, я не могла работать. Сначала еще приходила в офис, но сидела, глядя мимо монитора в пустую серую стену. Потом перестала даже выходить из дома. Конечно, меня уволили. Никто бы не стал терпеть.

Бывший супруг из чувства вины подкидывал мне денег на квартплату и дешевые макароны, но это длилось недолго. Его малышке понадобилось лечение, потом реабилитация, потом еще что-то, а потом благотворительные порывы как-то и вовсе забылись и мне пришлось выкарабкиваться самой.

Работать головой я все еще не могла, начиная рыдать, стоило вспомнить о муже. Ногами тоже не получалось: попробовала курьером, но иногда в метро накаtywала тошнотворная слабость, и я опаздывала везде, где можно. Зато руками — вышло! Я научилась делать украшения из стеклянных бусин и камней, и оказалось, что они нравятся людям. Работа собачья, наглости задираТЬ цены во мне маловато, но я хотя бы перестала бояться умереть с голоду.

Прическа и маникюр в этом салоне в мой бюджет не вписывались от слова «совсем». Но во всех осталь-

ных не было мест, а идти в родную школу с отросшими сантиметров на пять корнями было совсем неприлично. Сюда я забежала просто для очистки совести. Надо было доказать себе, что я сделала, что могла, и безумная моя авантюра — абсолютная глупость. Но случайно оказавшаяся в зале хозяйка Раиса вдруг начала меня пытаться, зачем мне так срочно нужны сразу и прическа, и маникюр, и вечерний макияж.

Я блеяла что-то про приглашение на свадьбу лучшей подруги, но проницательную женщину было не обмануть.

— Не ври! — отрезала она. — Свадьбы обычно с утра, и к ним заранее готовятся. Да у тебя и платья, вижу, нет. К чему мы тебе макияж будем делать? Давай, признавайся!

— У меня свидание с мужчиной мечты! — тут же смеялась я версию.

Говорить правду было отчего-то стыдно. Так суетиться из-за ерунды... Подумают, что ничего более значительного в моей жизни не бывает.

— Такие как ты на свидание берут только задорную улыбку и ворох историй, — покачала головой Раиса. — И мужчина мечты потом не может вспомнить не только то, была ли у тебя прическа, а даже была ли у тебя голова! Ну? Признаешься — найду тебе мастера. А то и сама возьмусь, нравишься ты мне!

Не имею ни малейшего представления, чем я могла понравиться стокилограммовой энергичной и громкой женщине, непрерывно курящей вопреки всем нормам прямо в помещении и громовым голосом шпыняющей худеньких бледных работниц салона «Парижский шик». Сомневаюсь, что в Париже все малиновое и в сверкающих стразах, включая ногти владелицы, но кто я такая, чтобы с ней спорить?

Я опустила глаза, сжалась от стыда и тихо-тихо про-
блеяла про юбилей выпуска.

И тут она прямо взвилась!

Боевые вертолеты вылетели на позиции, подводные
лодки погрузились на дно, а линкоры нацелили орудия!

— Девочки! — прогремело на весь зал. — Подъем!
Чрезвычайная ситуация! Мобилизуем все силы! Ра-
хиль, Маша, на ногти! Одна взяла левую руку, другая —
правую! Все, чем заняты, передайте Леночке!

— Но Леночка делает хуже! — возмутилась клиент-
ка, которой успели расписать цветами ногти только
на одной руке.

— У женщины встреча одноклассников! Весь мир по-
дождет! — отрезала Раиса. — На свадьбу никого так не
крашу, как тебя крашу, звезда моя! Где Ангел? Куда
запропастился этот любитель... Ах вот ты где!

* * *

Я уж было решила, что она немножко двинулась го-
ловой, раз призывает ангелов небесных, но тут появил-
ся немного манерный и очень красивый мальчик — как
выяснилось, болгарин, которого действительно звали
Ангел. Вполне обычное там имя, как у нас Любовь.

Он был приставлен к моей голове, и я глазом не
успела моргнуть, как меня начали стричь и красить,
причем практически одновременно. Пальцы у него
были невероятно ловкие и нежные, и про мои воло-
сы он через пять минут знал больше, чем я узнала за
всю жизнь.

Когда освободилась Леночка, кое-как, в авангард-
ной манере, дорисовавшая клиентке ногти, она по соб-
ственной инициативе взялась за педикюр. Напомнив
нам между делом, что Фрекен Бок была права: в жен-

щине в ответственные моменты все должно быть безупречно. Даже то, что на первый взгляд не видно.

— Платье есть? — сурово спросила Раиса.

Она нервничала чуть ли не больше меня. Курила одну за другой, ловко выщелкивая окурки из мундштука и вставляя новые темные, терпко пахнущие вишней сигареты. Вентиляция в салоне была прекрасная — дым мгновенно всасывался где-то наверху вместе с запахами лаков, пылью от спиленных ногтей и прочей малярно-штукатурной взвесью.

Я помотала головой. Планировала влезть в свои самые узкие джинсы и надеть под полупрозрачную блузку кружевной лифчик, который держала только для постели. Грудь он поднимал божественно, но за это приходилось платить ощущением туго затянутой сбруи.

Но Раиса не дала.

Первую же освободившуюся работницу она послала в шоурум вечерних нарядов, где работала двоюродная сестра ее третьего зятя, которая после краткой беседы по телефону пообещала прислать самые лучшие платья вместе с VIP-картой на скидку. Встреча одноклассников — святое!

Даже со скидкой я не могла их себе позволить. Если визит в салон опустошал мой бюджет на развлечения на полгода вперед, то платье грозило лишить отпуска и посадить на гречку на год.

— Не жадничай! — нахмурилась Раиса. — Ты этот день будешь вспоминать дольше, чем свадьбу вспоминала! Ты себя будешь такой звездой чувствовать, что и на работе дадут повышение и премию!

Увы, на моей работе мне никто ничего не даст. Но я сдалась. В конце концов, заодно и похудею на той гречке, сплошные плюсы. И ткнула пальцем в облегачее платье выше колен, которое умело ловко спадать

с одного плеча. Оно было короче того, что стоило бы носить женщине тридцати с лишним лет, однако на то и был расчет! Ноги у меня всегда были стройные, но в школе я ходила в длинных юбках и планировала теперь шокировать своих дорогих одноклассников зрелищем того, что они упустили в юности.

Как и обещала, Раиса лично взялась за мой макияж и потратила на него времени столько же, сколько ушло на весь остальной тюнинг.

И вот я стояла перед зеркалом в полный рост и не могла поверить своим глазам.

Меня и правда превратили в звезду.

Вопреки подспудно еще теплящимся страхам, что сейчас мне нарисуют «парижский шик» со стразиками, я выглядела по-настоящему стильно и элегантно. Я была похожа на себя... только лучше. Намного лучше.

Словно я стала совсем другой. Улучшенной версией себя, как на картинке в «Инстаграме» со всеми фильтрами и улучшениями.

Только настоящей.

Глядя в свои сияющие глаза, которым умелая рука Раисы добавила пикантной стервозинки, я решила, что вполне могу обмануть своих одноклассников. Показать, что я не такая, как на самом деле.

Не разведенка, а независимая женщина, меняющая поклонников как перчатки.

Не пустоцвет и неудачница, а чайлдфри, блистательная эгоистка, сознательно решившая посвятить свою жизнь только удовольствиям.

Не рукодельница, с трудом наскребающая на квартплату, а творческая личность, мастер с уникальными авторскими техниками.

Ведь все зависит лишь от точки зрения.

Могу я хотя бы на один вечер притвориться, что моя жизнь не полный провал?

Хотя бы на один день взмахом руки превратить свою тыкву в карету, мышей в лошадей, а крыс в кучеров?

* * *

Я живу недалеко от своей бывшей школы. Буквально пять минут быстрым шагом. Десять — если нога за ногу, останавливаясь у каждого дерева, говоря «Кис-кис!» каждому коту и мечтательно глядя в небеса. Если очень-очень-очень постараться, то можно засмотреться на двух дерущихся жуков-пожарников или на стаю птиц, улетающих на юг, и опоздать к первому уроку. Но получалось у меня редко. Тем, кому надо было ехать в школу на автобусе, везло больше.

Но как будто мне мало было десяти лет заключения в казенном доме, всю свою жизнь утром первого сентября я просыпаюсь под «Учат в школе, учат в школе, учат в школе», двадцать пятого мая — под «Когда уйдем со школьного двора», а в конце июня и вовсе не сплю всю ночь под ритмы дискотеки и пьяные крики выпускников. Наверное, потому я и не испытываю ностальгии по чудесным школьным годам и не плачу, когда вижу выпускниц в советской школьной форме из секс-шопа.

Так что добираться мне недолго, и перед своим бенефисом я еще успела забежать домой, чтобы найти подходящие туфли, сумку и побрызгаться любимыми духами Angel, которые в первый раз купила как раз пятнадцать лет назад, на выпускной. Ванильное печенье, шоколад, карамель, сахарная вата — запах сладкий, как моя выдуманная на этот вечер жизнь.

Время уже подходило, но явиться раньше всех было бы провалом. Поэтому я гипнотизировала часы и ме-

талась по квартире, не зная, чем заняться. С удовольствием бы сожрала что-нибудь на нервах, но боялась испортить Раисин шедевр мейкапа: губы ей особенно удались. Я и не знала, что они у меня такие сочно-глянцевые как отравленное яблоко в «Белоснежке». Хотелось часами на них любоваться, а лучше — пойти в таком виде повидать героев всех самых моих неудачных свиданий и показать им, что они упустили. Бывшему мужу тоже похвастаться, чтобы не думал, что я тут без него себя похоронила.

Ладно, специально для него сделаю селфи и выложу в «Фейсбук».

Чтобы убить время, я откопала в шкафу выпускной альбом. Много лет уже его не открывала, поэтому очень удивилась, когда поняла, что из всего выпускного класса в пятьдесят человек могу назвать по именам не больше десятка. И то — с трудом. Лучше всех помню тех, с кем зафрендилась в соцсетях, а остальные...

Я достала общее фото, на котором мы все такие дети с испуганными глазами, хотя казались друг другу взрослыми людьми, перевернула — а там одинокая надпись: «11-й класс, 730-я школа». И все. Думала, что вряд ли я забуду тех, с которыми провела десять лет вместе. А теперь шурилась на все эти полужнакомые лица и как будто Альцгеймером пришибло. Хотя в этом случае я, наоборот, должна лучше помнить, что было пятнадцать лет назад.

Вот, например, Оля. Что Оля — помню, а фамилию уже нет. Моя бабушка эту Олю очень любила и все время ставила мне в пример: какая она аккуратная, какая у нее прическа красивая, не то что мои лохмы. И на переменах не носится, а стоит у стеночки как хорошая девочка.

Хорошая девочка Оля в выпускном классе оказалась беременна и сдавала экзамены на восьмом месяце. Но это помогло от нравочений только на год! Стоило мне окончить школу, как бабушка начала по новой: какая Олечка хорошая жена и мать, какая у нее доченька красивая, а ты когда замуж?

Даже потом, когда я забеременела и вышла замуж, Олечка оставалась светлой путеводной звездой.

Потом, конечно, бабушка примолкла из-за всего, что со мной случилось. Но я часто видела, как после новости о том, что Олечка родила третьего ребенка от третьего — самого успешного! — мужа, ей хотелось завести старую пластинку.

Но это уже слишком грустная история, а мне пора в школу!

Сама засмеялась. Пятнадцать лет не говорила эту фразу.

Хорошо все-таки, что идти недалеко. Если будет совсем печально, всегда можно сбежать домой. И сидеть тут красивой в платье стоимостью в отпуск и с шедевальным макияжем. Нет уж! Отступать некуда!

Школа была ярко освещена, железные ворота на входе увиты гирляндами искусственных цветов, словно на гавайской свадьбе, над дверьми сияли неоновые буквы: «Добро пожаловать, выпускники!» — и стелилась прямо к порогу красная ковровая дорожка.

Я прошла по ней, гордо выпрямив спину. Звезда я или нет, в конце концов!

Открыла дверь... и застыла столбом. Зато мое сердце сначала подпрыгнуло к горлу, потом камнем рухнуло в желудок, метнулось в пятки и, еще пять-шесть раз сменив местонахождение, наконец вернулось в клетку в груди, но и там отказалось нормально биться, сжавшись от чувств, которые я считала давно забытыми.

Там стоял Илья Соболев — моя невыносимая школьная любовь, несбыточная мечта, причина всех моих слез и улыбок в два последних школьных года.

Он чертовски изменился.

Пятнадцать лет назад он был типичным школьным изгоем: лузером и лохом, над которым все издевались за его длинные волосы, хипповские шмотки и гитару, которую он везде таскал за собой. По его виду сразу было понятно, кто тут главный козел отпущения, и ему прилетало даже за пределами школы.

Сейчас же передо мной был высокий, атлетичного вида молодой мужчина, одетый неброско, но дорого, со стильной прической и взглядом абсолютно уверенного в себе человека.

И этим взглядом он смотрел на меня в упор, но не узнавал.

А я не могла сдвинуться с места, пока сзади кто-то не толкнул меня и прямо над ухом не заорал:

— Соболев, ну ты чего застрял там?

Тогда он адресовал мне равнодушно-вежливую улыбку, аккуратно обогнул, чтобы не задеть, и вышел на улицу.

Так и не сказав даже: «Привет!»

* * *

Я не удивилась.

Сама вот только что не могла вспомнить, как зовут некоторых одноклассников на фото, а ведь с ними я в школьные годы болтала, ругалась, делала общие проекты, прыгала в резиночку, сбегала с уроков, ходила в походы и встречалась на вечеринках. С кем-то танцевала, с кем-то дралась за булочку в столовой или помогала зашить юбку в школьном туалете.

Только с Ильей, кажется, не обмолвилась и парой фраз. Даже в те времена я не была уверена, что он знает, как меня зовут, хотя мы учились в одном классе.

Это нисколько не мешало мне его любить.

Он был какой-то совершенно нездешний, как инопланетянин. Даже выглядел не как все: с прямым тонким носом и острыми скулами, пшеничного цвета волосами до плеч, в вышитых цветами расклешенных джинсах, он походил на американского хиппи шестидесятых годов, взявшего в руки гитару еще до Вудстока.

Подойти к нему и завести разговор о фильме, который идет сейчас в кино, или попросить помочь с домашним заданием, как наивно советовали девичьи журналы в те времена, было совершенно немыслимо. Однажды на английском мы задавали друг другу вопросы о наших любимых книгах, фильмах и музыке. Все называли «Терминатор» или «Грязные танцы», и на этом фоне особенно странно прозвучал его ответ: «Забриски поинт». Никто не понял, что это было. На каком это языке? Это что, кино? Никогда о таком не слышали.

Точно так же дело обстояло с музыкой и книгами.

Куда я к нему сунусь со своей любимой Астрид Линдгрэн, если он с таким же нездешним видом отвечает, что его любимый писатель — Фаулз?

Которого я даже прочитать-то смогла только лет в двадцать пять.

Но это не мешало мне мечтать, что однажды неземные серые глаза посмотрят на меня с чем-то иным, кроме терпеливого равнодушия, которое доставалось всем окружающим.

Кроме Вари.

Варя тоже была не такой, как все, так что я его могла понять. В ней смешалось столько разных кровей, что, глядя на темноглазую бойкую красотку с ворохом

каштановых кудряшек, сложно было понять, где помогало ее предков. Сама она рассказывала про бабушку-цыганку, деда-итальянца, прадеда-монгола и прапрадеда – австралийского аборигена, но запросто могла и врать. Она вообще легко и беззаботно врала и так же легко сочиняла забавные и страшные истории. Была похожа на налитую соком тугую смешливую черешенку и тоже читала книги и смотрела фильмы, о которых остальные даже не слышали.

Неудивительно, что Илья влюбился в нее, как только впервые увидел на линейке в школьном дворе в десятом классе. Она переехала к нам с родителями, двумя сестрами и пятнадцатью кошками из Владивостока, где ее отец служил на подводной лодке – или она придумала это, чтобы казаться интереснее, как и все остальные свои истории.

Он таскал ей шоколадки, писал разноцветные записочки с признаниями в любви и длинные письма о своей жизни. На всех переменах он всегда ошивался неподалеку и не спускал с нее влюбленных глаз. Каждый день провожал ее до дома: иногда с ее разрешения шел рядом, а если она не позволяла – на несколько метров позади. Вызывался дежурить вместо нее в классе, а на субботах делал и ее часть работы, и свою.

Он посвящал ей стихи и даже классные сочинения, если речь шла о любви.

До момента ее появления я считала, что он бесплотный как эльф и бесконечно далек от пубертатного сумасшествия, которое началось в седьмом классе. Все эти разговоры о том, кто с кем гуляет, кто на кого запал, перебрасывание записочками, пошлые рисунки на листочках в клеточку, передающиеся под партами по рядам, первые поцелуи и пересказанная страшным шепотом книга «1001 вопрос про это».

Но я ошибалась — ему тоже были не чужды все эти глупости.

Варя всегда могла быть уверена, что он первый подойдет пригласить ее на танец на дискотеке и четырнадцатого февраля первой валентинкой на ее парте будет его сердечко.

Его любовь была безответна, безнадежна, но от этого становилась только сильнее.

Мне оставалось только тайком писать о нем в розовый дневничок с замочком, отчаянно шифруя его имя, чтобы никто не догадался, даже если прочитают.

Я гадала на него с зеркалами и пеплом, я шептала выдуманные заклинания на рождающуюся луну и носила в ухе сережку со стилизованной буквой «И», Илья. Она была настолько вычурной, что казалась похожей на «М» — Маргарита. Никто не догадывался.

Я не могла вымолвить рядом с ним ни слова и опускала глаза, когда он смотрел на меня. Однажды мы с Варей возвращались вместе из музея после экскурсии, она жила недалеко от меня. Илья напросился ее проводить, и всю дорогу домой я молчала и смотрела в землю, умирая от счастья его близости.

А потом школа закончилась и нам было негде больше встретиться. Он снился мне еще несколько месяцев в счастливых, наполненных солнцем снах. И еще однажды я шла по улице, и мне показалось, что я увидела его, идущего мне навстречу в толпе. Не смогла разглядеть — испуганно уткнулась взглядом в асфальт, чувствуя, как бешено бьется сердце и заливаает жаром лицо. Тут же свернула в ближайшую парикмахерскую и там потребовала покрасить меня в рыжий и сделать сумасшедшую стрижку. Просто так, на всякий случай. Вдруг он сейчас пойдет по улице обратно, заметит меня и...

И с тех пор мы больше не виделись.

Через год я встретила своего будущего мужа, и образ нездешнего мальчика потускнел в моей памяти. Я думала, что за пятнадцать прошедших лет мои чувства давно истлели и рассыпались в прах.

Я ошибалась. Как я ошибалась!

* * *

Мне понадобилось всего три секунды, чтобы взять себя в руки и вспомнить, что я давно не школьница. Я взрослая женщина тридцати с лишним лет, которая умеет держать лицо, когда ее увольняют с работы, когда ей говорят, что у нее никогда не будет детей, и когда любимый муж заявляет, что уходит к другой. На фоне всего, что случалось со мной в жизни, то, что Илья Соболев меня не узнал, — такая ерунда! Не стоит даже потускневшей улыбки.

Возвращаемся к изначальному плану. Я тут не затем, чтобы сохнуть и тосковать по школьной любви. Моя задача — утереть нос бывшим одноклассникам, стать звездой на этот вечер и потом черпать силы в этом воспоминании для того, чтобы выкарабкаться из той ямы, в которую я попала.

Собственно, для этого я сюда и отправилась вопреки всем разумным доводам. Пока только сама себя уговариваешь, что твоя жизнь не так уж и плоха, легко усомниться. Но когда эту веру поддерживает вера самых пристрастных в мире судей — вот тут можно многое! Даже лютые враги, заполученные во взрослом возрасте, никогда не будут настолько убеждены в твоей никчемности, как школьные друзья.

Самый уверенный в себе плейбой скукоживается, когда на него смотрит девочка, отказавшая в танце на

школьной дискотеке. И не важно, что у его ног рыдали самые красивые актрисы мира, пока он с жестокой улыбкой говорил: «Ты знала, что это будет всего одна ночь». Если домохозяйка из Бутова пятьдесят четвертого размера помнит, как стыдилась того, что ты посмел с ней заговорить, в твоей душе навсегда останется та часть, которая знает, что она была права.

Так что задача сотворить невозможное и переломить воспоминания одноклассников обо мне стоит усилий. Но для этого надо их шокировать. Просто зарплата в пять тыщ евро и встречи Нового года на вилле Робби Уильямса недостаточно. Они тоже Пугачеву живую видали! Нет, надо потрясти самые основы их представлений обо мне как о бедной скромнице и тихоне. Золушке, которой не досталось крестной феи, поэтому за балом она наблюдает из-за забора.

Поэтому спину прямо! Грудь, губы, томный взгляд! И не оглядываться как селянка на ярмарке, а задумчиво встать посреди холла с видом обнаженной Мэрилин Монро, доставшей сигарету неизвестно откуда. Сейчас мир выйдет из ступора, и со всех сторон поднесут зажигалки.

Сработало.

— Вы какого года выпуска? — тут же прилетел мне вопрос, оглянуться не успела.

А вот теперь успела. Красивый мальчик в белой рубашке и очках, одиннадцатиклассник, видимо. Вопрос задал, правда, не мне, а моей груди. Но это ничего, в таком возрасте стоит даже на линолеум, ожидать, что он оценит мой изысканный стиль, было бы преждевременно.

В руках у него был планшет, в который он тыкал, не глядя, пока я медленно мерила его взглядом. Наклонилась к его уху и с придыханием спросила:

— Года выпуска? Как «Жигули»?

— В смысле... — он мгновенно растерялся и покраснел. — В каком году...

Он совсем смутился и опустил глаза. А там у меня — ноги!

Вот эти, которые стройные и от ушей. Моя гордость, одноклассниками еще не виденная, даже круче груди.

Совсем засмущала парня. Молодец, монстра первого уровня победила, перехожу на следующий.

На котором уже без попыток флирта быстренько назвала свой год выпуска, и мальчик охнул.

Я удивленно подняла бровь. Одну. И руки на груди скрестила. Взгляд его тут же метнулся от ног обратно, до моих глаз так и не добравшись.

— Я думал, вы лет пять назад выпустились... — забормотало несчастное создание, отмечая меня в списках.

Что еще нужно девушке для счастья? Юное создание лихо скостило мне десяток годиков! Такого комплимента хватит надолго.

Сколько времени прошло, а лифты в школе так и не сделали. Престарелой женщине тридцати с лишним лет и на каблуках пришлось карабкаться по выщербленным бетонным ступенькам аж на третий этаж, помахивая бейджиком с именем и буклетом о школе.

Наш тридцать третий кабинет находился в углу рекреации, и по пути я с любопытством рассматривала изменившуюся школу. На дверях других кабинетов были наклеены бумажки с надписями: «Выпуск 2003 года», «Выпуск 2011 года», «Выпуски 1975–85 годов». У последних, видать, совсем мало бойцов осталось.

Некоторые двери были распахнуты, и я заглядывала туда, где веселые люди разных возрастов пили и пели, сидя за столами, расслабив галстуки и скинув туфли,

нагло курили прямо в распахнутое окно и рассматривали наваленные ворохом фотографии.

Другие были закрыты — и оттуда доносилась музыка самых разных поколений. Можно было без табличек угадать десятилетие выпуска.

Мимо двери, где звенела гитара, я проскочила побыстрее. Голос нашего физика, любителя походов и авторской песни, я узнаю даже в старческом размере.

А мимо следующей прошла на цыпочках — рефлексивно. За полтора десятка лет ремонт наверняка делали не раз, но дверь учительской осталась такой же жуткой, обитой черной кожей и с острыми металлическими заклепками.

В родной тридцать третий кабинет я заходила уверенной в себе звездой — но, едва переступив через порог, мгновенно провалилась в прошлое.

Вроде там было все новое: интерактивная доска, пластиковые окна, кулер, портрет президента над учительским столом, — а запах и атмосфера остались все те же. Будто и не было тех пятнадцати лет. Будто бы мне приснился и выпускной в роскошном платье, и студенческие пьянки, и свадьба в районном загсе, и работа, на которой меня, как взрослую, называли Маргаритой Борисовной...

Как бы я ни ненавидела школу, а десять лет моей жизни она была мне вторым домом. И сейчас я почувствовала именно это — что я вернулась домой. Пусть меня тут не особенно любили и ценили, все равно — дом.

И сегодня в нем праздник.

На сдвинутых столах стоят бутылки «Советского шампанского», дешевые соки в картонных упаковках, горками навалены бутерброды с колбасой, в пластиковые стаканчики разлита водка.

Не выходя из образа, я с кривой улыбкой осмотрела угощение и наконец перевела взгляд на собравшихся. Как говорится, попала в ад, а тут все свои!

* * *

Хотя на секунду мне показалось, что я не туда попала. Кто эти тетки и мужики с раскрасневшимися лицами? Разве на двери был написан не наш год выпуска? — Кондратьева! Ты ли это? — раздался возглас, и я прозрела.

Моргнула — и вдруг увидела перед собой тех, с кем мы расстались на рассвете в выпускной. Большинство я с тех пор и не видела. Но сразу узнала, хотя они все чудовищно изменились. Надеюсь, и я тоже. Но в другую сторону.

Дом домом, но как бы мне ни хотелось размякнуть и кинуться всем на шею, нельзя забывать, что у меня есть план! Глобальный план!

А тут передо мной настоящий второй шанс произвести первое впечатление. Которое у меня не удалось при первой встрече, когда я — маленькая, лопоухая, испуганная, с букетом гладиолусов больше себя самой — пришла на школьный двор и моментально потерялась. Попыталась прибиться к третьему классу, откуда меня шугнули, потом ко второму — там начали смеяться над «мелочью», и когда меня наконец отловила моя будущая первая учительница, я уже почти ревела.

Когда нас завели в класс и все стали занимать места, я выбрала себе сначала первую парту посередине, бабушка говорила, там сидят отличники. Но кто-то сказал: «Это мое место!» — и я послушно ушла, потому что подумала, что опять ошиблась. И ушла с первой парты у окна — по той же причине. А вот на третью никто не

претендовал, так что я забились там в угол и испуганно отгородилась букетом. Который, конечно, надо было отдать учительнице!

Так с тех пор и пошло, что Кондратьева — бестолковая мямля.

А уж когда в третьем классе мне выписали очки, тут-то и появился законный повод для дразнилок, а то на весь класс не было никого толстого или маленького. Здоровому детскому коллективу всегда нужен аутсайдер.

Если сейчас я дам слабину, меня тут же запихают обратно в мою экологическую нишу мямли и неудачницы. Нет уж.

Под сканирующими взглядами полутора десятков человек я прошла к своему месту у окна. Оно тянуло меня как магнитом. Теперь-то мне казалось, что это идеальная позиция: можно смотреть на школьный двор, можно повернуться спиной и видеть весь класс, и при желании штора скрывает от орлиного взора учительницы.

На мгновение заколебалась перед тем, как сесть. Школьные стулья всегда цепляют колготки, это закон. Со времен моей учебы финансирование стало лучше, но закон есть закон — неровные края стула щерили зубы, готовые наставить мне зацепок.

Звезда я или кто?

Развернулась, бросила сумку и буклет на хищный стул, а сама уселась прямо на парту, закинув ногу на ногу. Платье тут же поползло вверх, еще больше открывая бедра, но я ослепительно улыбнулась и сама обвела всех оценивающим взглядом:

— Привет!

Их пристальное внимание ощущалось как щекотка. Хотелось елозить и почесываться. Внутри нарастала паника, и кто-то маленький и испуганный бегал кругами в моей голове и верещал: «ААААА!»

Но снаружи я держала улыбку на идеально накрашенных глянцевах губах.

К счастью, большинство никак не могло оторваться от разглядывания моих ног. Зато теперь я могла сканировать их критическим взглядом и изображать строгую комиссию по оценке успешности жизни.

Это у кого тут животик через ремень переваливается и проплешина на макушке отражает свет ламп?

Женя Протасов, наш плейбой! Был таким кудрявым светленьким мальчиком с голубыми глазами как с картинки из детской книжки. В третьем классе все девчонки были в него влюблены! Я тоже, разумеется. До Ильи я добралась чуть позже.

Память потихоньку распаковывает архивы, и плоские черно-белые фото обретают цвет и объем, над ними шуршит неумолчный шепот историй, случившихся за десять лет, а за ними встают в очередь на воспоминания тени тех, кого пока здесь нет.

Вот этот сутулый усталый мужчина с кудлатой черной бородой, спускающейся на грудь, был когда-то худым высоким растрепанным парнем с горящими глазами безумного ученого. Обожал теоретическую физику! Называл нас всех тупыми и недалекими, делая исключение только для тех, кто любил математику. Потому что физика, повторял он, это единственный язык, на котором с нами говорит мир. Если не учить физику, то рано или поздно скатишься во тьму Средневековья и будешь думать, что гроза гремит из-за того, что пророк Илья ездит по небу на колеснице.

Коля. Коля Денисов, я вспомнила!

— Коль, а чего ты такой бородатый как моджахед? — я решила первой перейти в атаку. Раньше, чем кто-нибудь спросит, как у меня с мужем и детьми. — Или ты модный хипстер из барбершопа?

— Я священник, — пробурчал он.

— Да ладно?! — я так изумилась, что моя идеальная маска треснула.

— Рит, будешь шампанское? — тут же засуетилась Дашка Новикова, цапнув со стола бутылку. Она всегда была главной примирительницей, остро чувствовала, когда кто-то на грани ссоры, и разряжала обстановку. В этом она не изменилась. — Мы тут уже все познакомились и рассказали о себе, ты немножко опоздала...

Я сверкнула глазами, и она тут же исправилась:

— Но можем быстренько повторить, а потом про тебя послушать!

Мой внутренний компас, указывающий на цель, повернулся, стрелка задрожала — и мы с ним согласились, что отчет бывших одноклассников перед звездой будет выглядеть достойно.

Только все испортил Соболев.

* * *

— Никакого шампанского! — раздалось от входа громко и пафосно. — Мы принесли вам благую весть!

Все обернулись — на входе стоял Соболев с ворохом набитых пакетов, и за ним пытался протиснуться еще Вася Морозов, с таким же набором.

— Весть о том, что мы будем пить нормальное итальянское «ламбруско», а не эту дрянь, — пропыхтел он. — Ну и жратву заодно принесли.

Он все же вошел в кабинет мимо застывшего в дверях Ильи и принялся доставать из своих сумок разнокалиберные бутылки, шуршащие упаковки с мясом и сыром, какие-то фрукты в разноцветных сеточках, коробки с шоколадом.

Я отметила это краем глаза, потому что не отрываясь смотрела на Соболева.

А он смотрел на меня.

Хотя нет, сначала он смотрел на мои ноги. Очень внимательно рассматривал, начиная с кончиков туфель — увы, не Маноло Бланик, не Джимми Чу и совсем не «Лабутены». Вот что мне стоило в тучные годы их купить?

Он скользнул взглядом выше, обвинил им лодыжки, погладил колени и так надолго задержался на бедрах, что захотелось натянуть подол платья пониже. Дальше случилась опасная зона с моей грудью, но он ее, в отличие от того одиннадцатиклассника, мужественно преодолел. Все-таки взрослый и опытный мужчина.

И наконец добрался до глаз.

Я встретила его взгляд с прохладной полуулыбкой, хотя внутри то самое испуганное существо пялилось на него, умирая от своей смелости: я впервые в жизни так прямо смотрела ему в лицо!

Все рванули распаковывать пакеты с таким энтузиазмом, словно получили подарки от Деда Мороза. Или очень большие и взрослые «Киндер-сюрпризы». Сюрприз, игрушка, шоколад — как в рекламе нашего детства. Всегда интересно, что будет в пластиковой коробочке внутри шоколадного яйца. Нынешние дети, которым достались «киндеры», поделенные по содержанию для мальчиков и девочек, для любителей динозавров или собирающих коллекции игрушек из мультиков, такого наслаждения от настоящего сюрприза не получают уже никогда!

На меня больше никто не обращал внимания. Доставали бутылки, разливали, раскладывали по тарелкам треугольные сэндвичи, умело резали на квадратики сочащиеся соком желтые тайские манго, вылавливали из банок огурцы, ломали плитки шоколада.

Илья в этом участия не принимал. Он подошел, встал рядом, оперевшись на парту, и, глядя на бывших одноклассников, вполголоса, словно по большому секрету, сообщил мне:

— Ты потрясающе выглядишь. Я тебя даже не узнал сначала. Не поздоровался — не был уверен, что правда ты. Даже мелькнула мысль, что у тебя такая взрослая дочь. А я наброшусь с объятиями: «Привет, Ритка!» Не так поймет.

В лицо будто кипятком плеснули, я даже задохнулась от жара и захотелось прислонить мгновенно заледеневшие ладони к пылающим щекам. Во рту пересохло, и я сразу не нашлась, что ответить, и только загадочно улыбнулась, стрельнув в него глазами из-под прикрытых ресниц.

— Давай я расскажу про всех, пока они заняты.

Он сложил руки на груди, и я быстрым взглядом пробежалась по его потертым голубым джинсам и белой рубашке с закатанными до локтя рукавами. Все-таки потрясающе выглядит. С годами стал не просто лучше, а неприлично лучше.

— Женька Протасов, — кивнул он на нашего плешивого плейбоя. — Владелец автомойки. Очень этим гордится, не вздумай усомниться, что это высшее достижение для человека. Морозову уже объяснил, что тот, изменник родины, сбежавший в Израиль, должен в ножки кланяться поднимающим экономику России.

И он хитро посмотрел на меня искрящимися от смеха глазами.

Это было так странно. Как будто мы с ним были и остаемся хорошими друзьями и у нас есть общие шуточки. Он меня точно ни с кем не перепутал?

— Таня Рикита, — Илья указал на стройную, даже тощую, очень загорелую белокурую девицу с явно сили-

коновым бюстом. — Вышла замуж за доктора и живет с ним в Германии.

— Это Рикита? — удивилась я.

Ее совсем не узнать. Была такой скромной пухлой девочкой с косой ниже попы и бездонными славянскими глазами, воплощением истинно русской красоты. Как и когда она превратилась в сушеную фитоняшную звезду пластической хирургии? Нос ей, похоже, тоже подправили. И вообще перешили лицо так, что я с трудом уловила только знакомую бездну в глазах.

— Да, я тоже был сначала шокирован, — покачал он головой, снова говоря вполголоса и придвигаясь все ближе. — Но ей все нравится. Наоборот, говорила, что жалеет нас, неудачников. А это...

— Сплетничаете? — К нам подошла Оленька Синаева — вот уж кто совсем не изменился! Как была рыжей и веснушчатой, легко краснеющей, так и осталась, только раздалась в бедрах, погрузнела, и под глазами залегли круги.

— Конечно, — подмигнул ей Илья, а она бросила на него типично женский оценивающий взгляд. Оценила весьма высоко. — Это наша почетная мать-героиня. У нее пятеро прекрасных детишек, фотографии которых она тебе с удовольствием покажет. И расскажет обо всех их успехах. Особенно младшая у нее хорошо поет.

— Нет, младшая танцует, — поправила Оленька и полезла в телефон. — Сейчас покажу ее выступление. А поет у меня средняя.

— Вторая с конца, — серьезно кивнул Илья.

— Другая средняя лошадица, недавно выиграла соревнования по выездке, сейчас тоже фото покажу... Ой, а тут у меня старшенький в форме пограничника, хотите посмотреть?

— Не понимаю, зачем столько детей, — проворчал вроде бы вполголоса Протасов, но так, что его, сидящего за столом с бутербродом в руке, услышали даже здесь у окна. — Вечерами заняться нечем было? Серил можно посмотреть.

— Вот из-за таких, как вы, у нас и проседает демография! — моментально взвилась Оленька, а я подумала: «Началось». — Вот у тебя есть дети? Есть?

— Двое! Оглоедов! Спиногрызов! Вандалов! Я свой долг выполнил! Вместо армии на памперсах оттрубил, теперь никому ничего не должен! — Он с каким-то наслаждением тщательно скрутил кукиши на обеих руках и продемонстрировал разом покрасневшей Оленьке.

— У Насти Шмидт одна дочка, зато она работает начальником в главной налоговой, — быстро попытался переключить тему Илья. — Представляете, какие среди нас люди?

— А я работаю мамой! — прошипела Оленька. — Лучше бы тоже помогали демографию улучшать! Кому нужна ваша карьера без детей?

Илья ловко поймал кинутую Морозовым пачку «рафаэлок», достал одну конфету и протянул ей.

— Мы будем стараться, — смеясь одними глазами, сказал он. — У нас еще вся жизнь впереди.

— А ты, Рит? Детишки есть? А то часики, сама знаешь! — Оленька зашуршала фантиком, но замерла, ожидая моего ответа.

Ух, как вспотели ладони... Пришла моя пора.

— Вась, разлей пока, — Илья кивнул на стол, где только у Протасова был налит виски. — Мы какие-то неприлично трезвые для встречи выпускников. Ты что будешь? — спросил он у меня и мягко толкнул плечом в плечо. Мол, держись.

Я дождалась, пока мне в руки попадет стаканчик с игристым розовым, малодушно надеясь, что, пока его донесут, меня что-нибудь спасет. Хотелось чего-нибудь покрепче, конечно. Но я знала, на что шла. Вообще в последние пять лет, я заметила, стало неприлично задавать вопросы: «А почему у вас ребеночка нет?», «А когда за вторым?», «Не хотите еще и девочку?», «На фи́га вы столько нарожали?».

Правда, только среди нормальных людей, а бывшие одноклассники — что-то вроде родственников, считают себя вправе интересоваться любыми интимными подробностями.

Хотя встречаться с теми, кто видел меня беременной, было намного хуже.

— А я... — небрежно откинулась, облокотившись о подоконник, — считаю, что Земля и так перенаселена. Восемь миллиардов, куда еще детей рожать?

— В смысле? — Оленька так округлила рот, что белоснежный шарик «рафаэлки» вошел бы туда как шар в лузу.

— Семь с половиной миллиардов, — зачем-то уточнил Морозов. Это, конечно, принципиально.

— Я решила жить для себя, — пояснила я. Пожалуй, про перенаселение — это слишком сложно. Упростим. Я отпила шампанское, собираясь с мыслями и вспоминая все то, в чем меня обвиняли, когда я говорила, что не готова снова рисковать. — Не портить фигуру беременностью, высыпаться по ночам, тратить деньги на курорты, а не на школьную форму.

— По Турциям катаешься? — нахмурил лоб и быстро, угрожающе надвинулся на меня высокий и лысый как колено мужик, которого я даже испугалась в первый момент.

Но через три суматошных удара сердца узнала Славу Першина, нашего школьного поэта. Очень талантливый. Был. Сейчас он выглядел как скинхед: лысый череп вместо есенинских кудрей, куртка-бомбер вместо бархатного пиджака и «говнодавы» с железными носами вместо лаковых туфель. Еще один претендент на приз в конкурсе на самые кардинальные перемены.

— Нравятся их мусульманские... — он шагнул вперед, сжимая кулаки.

— Эй, эй! — Илья перехватил его запястье и встретил порыв напряженным взглядом. — Мы же тут все хорошие друзья, правда?

Как он сам умудрился так сильно измениться? Из неловкого и забитого подростка превратиться в человека, который ловко рулит беседой в компании и сглаживает самые острые моменты.

— Олька, конечно, клуша, но права. Если не мы, то кто перерождает этих! — Протасов снова подал голос из-за стола и снова посреди откушенного бутерброда.

— Вам надо, вы и рожайте! — я демонстративно пожала плечами, стараясь унять испуганно бьющееся после атаки Першина сердце. — И нет, не по Турциям. Я предпочитаю активный отдых. Вулканы в Исландии, хайкинг в Новой Зеландии, изучение японской культуры...

Не думала, что это будет так тяжело. Казалось, что все давно отболело, заросло. Но, похоже, знакомые и друзья меня просто жалели. А тут бьют в самую мякоть, думая, что у меня там щит эгоистки. А у меня там едва наросшая тонкая кожица и неумело выстроенная поверх иллюзия благополучия.

— И ты светлые детские глазки и молочный запах волосиков променяла на эти свои вулканы? Тьфу! — Оленька даже такую милоту умудрилась сказать с пре-